

Впечатления

Заметки с двух женевских конференций

В конце сентября 1991 г. я был приглашен Центром исследований проблем современной Азии при Женевском Институте международных исследований¹ для участия в VIII Сино-Европейской конференции. Организаторами этих периодических конференций являются вышеуказанный Центр и Институт международных отношений при Национальном университете Чжэнчжи (г. Тайбэй). Конференция длилась с 30 сентября по 2 октября включительно. График ее был уплотненным: десятки докладов, официальные дискуссии, неформальные собеседования. Самые крупные делегации представляли ученых Тайваня, Швейцарии и Франции; делегации иных стран (Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Испания, Италия, Нидерланды, Польша, Португалия, СССР, Турция, Югославия) составляли от одного до пяти человек. Кроме пишущего эти строки, наше научное сообщество представлял политолог и науковед Р. М. Аваков.

Конференция носила междисциплинарный характер. Доминировали экономисты, но выступали и историки, политологи, социологи, науковеды. Моя научная позиция — позиция философа-культуролога и отчасти науковеда — была в рамках этой конференции несколько особой, но и она была встречена тепло.

Следует сразу отметить, что условия работы конференции во всех аспектах были просто прекрасны. Каждому участнику своевременно вручался объемистый сборник всех предложенных конференции докладов вместе с общей и подробной повесткой². Опираясь на него, я и буду в основном излагать проблематику Сино-Европейской конференции, оговаривая это соответствующими ссылками, хотя в некоторых случаях вынужден буду опираться на свои записи импровизированных устных вариантов выступлений и на записи опять-таки импровизированных дискуссий.

Из-за расписания рейсов Аэрофлота мое пребывание в Женеве растянулось на целую неделю (28 сентября - 5 октября). И это было большой удачей, ибо дни невольного «простоя» дали мне возможность побывать на некоторых заседаниях еще одной конференции: международной конференции, именуемой «Вновь обретенная Европа», проходившей в стенах Женевского университета³.

В отличие от первой, где работали скромные специалисты-международники, конференция в Женевском университете являла собою как бы парад знаменитых интеллектуалов Европы; она широко освещалась прессой, на каждом перекрестке виднелись ее афиши. Но для меня обе конференции сошлись в одной общей теме: новая Европа, новая Азия, качественно новый — пост-тоталитарный — Мир. Мир, формально почти что освободившийся от

¹ Об истории и текущей научной деятельности Института см.: The graduate institute of international studies. Academic year 1991-1992. Geneva, 1991.

² 8th Sino-European Conference. 30 Sept. - 2 Oct. 1991. - Geneva-Taipei, 1991. Pag. Varia.

³ Отдельное издание кратких тезисов конференции: L'Europe retrouvée? XXXIIIes rencontres Internationales de Genève. - Genève, 1991.

опухолей тоталитаризма, но, по сути дела, все еще не готовый из-болеть, изжить эту страшную хворь, унесшую миллионы жизней, развратившую миллионы душ, изуродовавшую множество форм индивидуального, группового, национального и глобального существования миллионов людей.

В этой связи на обеих конференциях много говорилось о судьбах народов Европы, — в особенности народов Европы Центральной и Восточной, хотя и не только о них.

Тоталитаризм и пост-тоталитарное мышление

В период очевидной агонии тоталитарных государств и структур европейского континента многим казалось, что впереди — радостные времена скорого раскрепощения и творческого жизнеустройства. Но реальный процесс пост-тоталитарного воссоединения Европы оказался совсем не идилличным. Ибо он связан с болью пересоздания полумертвых, разложившихся тканей и структур, с болью реформирования тех межчеловеческих барьеров, которые, в конечном счете, неупразднимы, — социо-экономических, политических, культурных, этно-конфессиональных.

Тоталитарный менталитет, тоталитарные навыки социальной организации, чей генезис исторически во многом связан с политической экспансией и влиянием марксистско-ленинских движений, как это показала и продолжает показывать история XX в., имеет свойство довольно легко эмансипироваться от изначальной догматики и приобретать яростные национальные обертоны. Как подчеркивал в своей лекции «Европа наций: каков принцип единства?» («Europe des nations: quel principe d'unité») архиепископ Парижский, кардинал Жан-Мари Люстиже (Lustiger), именно по нынешней Центральной и Восточной Европе бродят опасные призраки национал-коммунизма, успевшие перекраситься в антимарксистские цвета, но сохранившие все еще мощные не столько даже организационные, сколько ментальные структуры. И это говорилось в те дни, когда все мы с ужасом ловили вести о том, как в центре мирной Европы, в Югославии, разворачивается массовое братоубийство.

И на этих же самых европейских чтениях в аудитории им. Пиаже Женевского университета сходную мысль — но применительно к судьбам польского сознания XX в. — развивал знаменитый правозащитник Адам Михник. По его словам, тоталитаризм (именно как определенная структура сознания) связана с историческим беспамятством: мысль, всерьез не памятующая истории, не способна к исторической рефлексии. И потому мечется между идеализированными до сусальности картинками прошлого и страшными образами заговоров и конфронтаций. Элементы трагического самодвижения истории и принцип ответственности человеческой души за каждый извив событий ей непонятен. История видится плоским черно-белым образом.

Коммунистические институты отходят в прошлое, но этот закрепленный в период их господства синдром тоталитарного сознания остается в силе и легко встраивается в иные идеологические координаты⁴.

⁴ Michnik A. Identité nationale et défi des temps modernes. - In: L'Europe retrouvée?..., p. 27.

Кстати, А. Михник сказал пару слов и о событиях в Югославии: конфликт, развязанный ради утопий прошлого, развязанный в потакание силам исторической одержимости, — довольно грозный звонок для любителей насилия ради национал-традиционалистских приоритетов.

Впрочем, живучесть реликтов и перевертышей тоталитарного сознания в пост-тоталитарных, да и во многих иных странах — не только дань человеческой ограниченности и неразумию: речь идет о многих стержневых социокультурных проблемах современности. Так, по словам выступавшей на Сино-Европейской конференции профессора Католического Лувенского университета И-Чжуань У-Бейенс, сдвиги в современном техно-экономическом и политическом мышлении народов Евразийского континента — от Монголии до Германии — оспорили характерную и общую как для традиционалистского, так и для социалистического мышления идею примата государства над обществом и общества над личностью; но в то же самое время и нынешняя либеральная мысль, не отказываясь от старых своих приоритетов, натолкнулась на проблему «некоторого минимума институциональных предпосылок (preconditions), или критериев», призванных гарантировать достоинство личности в демократических системах⁵.

Так что нынешнее неототалитаристское сознание вольно или невольно паразитирует на существующих противоречиях, когда тоталитарно-этатистский комплекс в общественном сознании хотя и поставлен под вопрос, но отчасти подкрепляется современной проблематикой социальной и духовной неустроенности миллионов человеческих жизней.

Европа в мировом контексте

Несомненным глобальным контекстом нынешних сдвигов в Европе являются взаимосвязанные процессы либерализации международных отношений и внутристрановых политических систем. Либерализационные сдвиги характерны не для всех стран нынешнего мира без изъятия, но они явно доминируют как в Центре и на Востоке Европы, так и — в соответствующих вариациях — в странах Азиатско-Тихоокеанского региона⁶. Причем стремительные изменения в производительных силах в сочетании с выходом на авансцену современной политической практики и политической мысли либерально-демократических принципов и воззрений привели к тому, что специфический «филиал» «третьего мира» открылся на Востоке Европы — на месте прежнего «социалистического лагеря»; более того, некоторые черты сходства с передовыми социально-экономическими структурами «третьего мира» рельефно выявились и на тех участках Западной Европы, которые издавна принято было считать как бы европейскими заповедниками культурного и политического традиционализма —

⁵ Wu-Beyens I-Ch. Similarities and diversities in the search for democracy in Chinese societies: PRC, ROC, Hong Kong and Singapore; a preliminary report, p. 2. (Здесь и далее — ссылки на доклады, собранные в комплекте: 8th Sino-European conference...).

⁶ На это обстоятельство указывалось в выступлении английского экономиста Марка Стила (Steele M. The recent development of asia-pacific and european trade politics: parallels and divergences, p. 18).

на Иберийском полуострове, в Греции, отчасти на Юге Апеннин⁷. Причем техно-экономический сдвиг к компьютерной эпохе и сопутствующий ему политический сдвиг от тоталитарных (или же авторитарно-патерналистских) структур к структурам либерализованным происходят в состоянии некоей теоретической разреженности; перестраивая или заменяя омертвевшие структуры, люди, как правило, идут на ощупь: общий нынешний поворот от тоталитаризма к элементам либеральной демократии происходит в условиях, когда во многих отношениях исчерпали свой познавательный и организационный потенциал не только репрессивно-бюрократические концепции развития, но и классические формы либерального мышления⁸.

За примерами далеко ходить не приходится: могучая в технологическом и социо-экономическом отношении держава — ФРГ, приняв на себя основную тяжесть модернизации и рекультурации бывшей ГДР, даже и не предполагала, сколь огромно бремя, которое она на себя берет, — причем бремя не только технико-экономическое и политическое, но и человеческое. Ибо население Восточной Германии вынуждено перестраивать весь склад своей общественной психологии, сознания и навыков общежития⁹.

В свете сказанного ясно, сколь трудно Западной Европе совладать со всем этим комплексом социо-экономических и политических проблем вхождения восточноевропейских собратьев в современный мир. Так что даже ставился вопрос о необходимости привлечения к реконструкции и излечению бывшего «соцлага» экономических и интеллектуальных сил не только Запада, но и передовых стран Дальнего Востока; речь, в частности, шла о Тайване. Но об этом — чуть позже.

На Сино-Европейской конференции вопрос о целесообразности экономического подключения к процессам возрождения народов бывшего «соцлага» не только Запада, но и Дальнего Востока обсуждали ученые и из Западной Европы, и из восточноевропейских стран.

По словам венгерского ученого-финансиста Барны Талаша, эти страны страдают не только от нехватки капиталов и опыта рыночного хозяйствования, но и — в особой степени — от нехватки знаний и опыта по части самого процесса перехода от экономики государственно-патерналистской к экономике рыночной, а также к соответствующей технологической базе и технологическим навыкам¹⁰.

7 Berrtoldi M. Why rates of growth differ? A comparative analysis of the cases of Taiwan and Mezzogiorno; Bustelo P. Economic development and political transition in Spain and Taiwan (1975-1990): a comparative analysis from an european perspective; Ferreira de Sousa J. The importance of the international environment in the transition towards democracy in Portugal.

8 Bustelo P. Economic development..., p. 3.

9 Kaltenfleier W. The interdependence of economic and political variables in the process of german unification; Pfeifenberger W. Social and political problems of integration (Austria) and unification (East Germany) in Central Europe - some conclusions to be drawn for possible future development in the Far East.

10 Talas B. New possibilities for economic cooperation between Central European and Far Eastern countries after changing the social system in former socialist countries, p. 17-18; Pantučkova J. The experience of Asian new industrialized countries and their importance for the Czechoslovak economy in the period of recent economic reform.

И в этой же связи вновь парадоксальным образом всплыла столь волнующая для нынешнего пост-тоталитарного мира тема культурного беспамятства: венгерская исследовательница Юдит Балаж говорила о том, сколь слабы в пост-тоталитарных обществах ростки укорененного в подлинной культуре демократического сознания; нередко на первый план выдвигаются его скороспелые суррогаты, чаще всего в формах перераспределительного популизма¹¹. В ходе дискуссий на конференции венгерская исследовательница неоднократно подчеркивала, сколь болезненна для экс-«социалистически» масс не восполненная элементами подлинной культуры «идеологическая фрустрация» даже к сферам общекультурных, нравственных и религиозных понятий люди подходят с упрощенными политизированными мерками...

Так что поневоле на конференции, где тон задавали экономисты, встал вопрос о важности культурно-интегративных тенденций в современном мире. В ходе Сино-Европейской конференции мне пришлось обратить внимание участников на наличие такого рода интегративных тенденций в социокультурной динамике сегодняшней науки, — как в точных и естественных, так и в гуманитарных ее преломлениях. Характерная для нынешнего мира диаспоризация научных идей и программ, творческих личностей, социокультурных групп каким-то сложным, опосредованным образом связана с потребностью современной науки и - шире — современного мира, в новых идеях и парадигмах. Существенная плюрализация институтов и школ современной науки, их относительная экстерриториальность становится важной предпосылкой международного взаимопонимания, — в частности, и между странами Запада, Восточной Европы и собственно Востока¹².

Дела тайваньские.

И не только...

Тайваньские ученые, а также работающие в Европе выходцы из Тайваня были особо активны на Сино-Европейской конференции. Эта группа ученых, вполне отдающих себе отчет в экономических успехах, в геополитическом социокультурном своеобразии стран дальневосточного региона и прежде всего стран с китайским населением, тем не менее настойчиво подчеркивала некоторое сходство между проблематикой этих стран и проблематикой Восточной Европы. В обоих случаях отмечался сдвиг — медленный, противоречивый, по-разному акцентированный, — но все же сдвиг от тоталитаризма к демократизации. Хотя в Восточной Европе предпосылкой такого сдвига оказался экономический крах командно-партийных систем, а в «китайски» странах количественные и качественные изменения в технологии и народном хозяйстве — налицо факт прямого или скрытого, институционального или нравственного краха тоталитарных систем, что вызывает немалую тревогу. Ибо крах этот еще не гарантирует становления мирных

¹¹ Balazs J. Social-economic dimension of stability in Hungary, p. 10.

¹² Rashkovsky E. The post-modern science as the element of democratization in the present day East-West relations, p. 16-17.

и конструктивных демократических альтернатив партийно-командным системам. Но, так или иначе, по словам упоминавшейся мною И-Чж. У-Бейенс, социогуманитарную и общественную мысль «китайских» стран — Тайваня, Гонконга, Сингапура и даже КНР — весьма заботит вопрос о неразработанности в традиционной китайской философии и юриспруденции проблематики личных прав и примата общепринятого законодательства над волею власть имущих; более того, подобная озабоченность, столь понятная в условиях перехода от патерналистских и командных форм общественной регуляции к формам рыночным и правовым, усугубляется воспоминаниями о кровавых и разрушительных эксцессах долгих десятилетий маоистской диктатуры. Однако под огонь социальной критики ставится не только наследие маоизма, но и наследие его, казалось, вечного соперника, все еще сохраняющего власть на Тайване, — Гоминьдана.

«Воистину, — говорит тайваньский политолог и либеральный публицист Тянь Хун-мао, — Гоминьдан, должно быть, единственная из существующих ныне некоммунистических партий, обладающая структурными характеристиками всеохватывающей и всепроникающей партии ленинского типа¹³. Весь характер отношений Гоминьдана с государством и обществом выявляет мощное функциональное сходство со структурами ленинистского государства¹⁴.

Другое дело, что гоминьдановский «ленинизм» (партийно-контролируемое государство, принимающее на себя «руководящую и направляющую роль» в определении и осуществлении всего хода социальных и культурных преобразований) — вещь весьма условная. Ибо Гоминьдан всегда опирался и ныне продолжает опираться не только на тоталитарно-большевистские методы партийно-государственного строительства, но и, как указывал тайваньский ученый-политолог Хуан Дэ-фу, на полутрадиционную восточную социотехнику патрон-клиентских отношений¹⁵. Я добавил бы от себя, что идеология Гоминьдана, восходящая к трудам Сунь Ятсена, во многом опирается на конфуцианскую духовно-философскую традицию, особую роль в которой играет именно сакрализация патерналистской опеки, групповой солидарности и верности наставляющему покровителю. Кроме того, примечательно и отклонение Гоминьдана от идеи тотального огосударствления экономики.

Итак, гоминьдановская специфическая партийно-командная система, сохранившаяся и на долгий период укрепившаяся в тайваньском изгнании, именно в целях самосохранения вынуждена была наращивать экономическую мощь, внешние связи и технологическую компетентность населения Тайваня; изнурительная военно-политическая конфронтация с КНР вынуждала тайваньских руководителей к некоторой осторожности не только в отношениях с внешним миром, но и с собственным народом; сами того не желая, они как бы «высидели» под собою элементы развитого и активного гражданского общества, уже не способного жить в рамках партийно-командной системы. Так что

13 Влияние Коминтерна и КПК на процесс организационного и идеологического становления Гоминьдана — проблема, серьезно изученная в мировой историографии. Что же касается Сино-Европейской конференции, то И-Чжуань У-Бейенс определила Гоминьдан как «партию патримониально-ленинистскую» (Wu-Beyens I-Ch. Similarities..., p. 29).

14 Tien Hung-mao. Democratization process in Taiwan, p. 2.

15 Huang Teh-fu. Electoral competition and democratic tradition in Taiwan, p. 25-26.

в попытках предупредить возможность антисистемного взрыва Гоминьдан вынужден был исподволь «поступаться принципами» тоталитарного государства. По мысли испанского экономиста Пабло Бустело, тот сдвиг от тоталитаризма к полутоталитарной полудемократии, который выявился на гоминьдановском Тайване, отчасти напоминает аналогичную ситуацию последних лет испанского франкизма¹⁶.

Итак, источником реформистских тенденций гоминьдановской системы был императив выживания в меняющемся мире. Согласно докладу нидерландского синоведа Маринуса Ван Ден Берга, реформистская стратегия гоминьдановской диктатуры включала в себя, в частности, наращивание многообразных внешних связей, мероприятия по укреплению индивидуальной идентичности китайца-тайваньца, особую лингвистическую политику. Последняя предполагала унификацию и модернизацию «мандаринского» диалекта китайского языка. И все это сочеталось со стремлением сохранить партийные и патерналистские модели повседневной социальной регуляции, используя их в модернизаторских целях¹⁷.

Так были невольно заданы векторы становления либерально-буржуазной оппозиции. Первые вехи ее становления наметились во второй половине 70-х годов; в сентябре 1986 г. она конституировалась в виде открытой Демократической прогрессивной партии (ДПП)¹⁸.

Итак, основной опорой современной либерально-демократической оппозиции выступил новый, образованный, связанный с технологическим сектором тайваньского народного хозяйства средний класс. Не отказываясь от принципов китайской идентичности и национальной солидарности, это движение настаивает в то же время на суверенизации Тайваня. Однако это требование, подчас расцениваемое как сепаратистское, означает и разрыв с гоминьдановской идеей антикоммунистической реконкиты на Континенте. И эта многозначная позиция тайваньских либералов вызывает яростное неприятие не только с коммунистической, но и с гоминьдановской стороны. На конференции мне привелось быть свидетелем резкого выпада против либералов: попросивший слово юный тайванец из гостевых рядов яростно восклицал, что «есть только один Китай — подлинный и народный. И столица его — Тайбэй».

На парламентских выборах 1986 и 1989 гг. ДПП получила около трети голосов общетайваньского электората¹⁹. Сам факт легальной и институционализированной оппозиции не мог не способствовать некоторому сдвигу тайваньской государственности от партийно-патерналистской системы к современной демократии. Но, как настаивает тайваньский социолог Гу Чжун-хуа, рвущемуся на политическую авансцену новому среднему классу

16 Bustelo P. Economic development..., p. 11-12. В устном варианте своего выступления П. Бустело уделил особое внимание вопросу о миротворческой роли Церкви в процессе перехода от тоталитаризма к демократии и достижения общенационального консенсуса.

17 Van Den Berg M. Economic modernization, social change and the development of social identities in Taiwan.

18 Tien Hung-mao. Democratization process in Taiwan, p. 9-10.

19 Подробные разработки тайваньской электоральной статистики 80-х гг. даны в указанном выше докладе Хуан Дэ-фу.

Уже после конференции, на всеобщих парламентских выборах в декабре 1991 г., ДПП собрала 24% от общего числа всех избирательских голосов (см.: «Известия», 23.12.1991).

ня еще недостает развитого классового самосознания. А следовательно — и потребной для современного демократического процесса меры политического прагматизма: ДПП пока еще не сумела наладить подлинно эффективных связей ни с крупным капиталом, ни с рабочим движением²⁰.

И все же, при всех характерных для тайваньского общества чертах несоответствия его экономико-технологического статуса статусу политико-правовому, по словам ответственного сотрудника тайваньского МИД д-ра Цзю Жо-жэня, «тайваньская политическая демократизация и социальная стабильность вовлекли множество стран в более тесные отношения с Тайванем в торговле, инвестировании и других экономических областях»²¹.

Этот процесс наращивания глобальных связей в значительной мере тормозится неопределенностью внешнеполитического статуса Тайваня: современное процветающее и исподволь демократизирующееся государство со многими миллионами граждан в условиях ныне сложившихся международных отношений — как бы вне закона; неотработанность дипломатических, консульских, визовых и прочих связей приходится компенсировать развитием разного рода подставных или полуофициальных институций; все это становится уже обременительным для мощного блока западных контрагентов Тайваня, и они начинают добиваться большей степени легализма и свободы в отношениях с этой страной²².

В ходе всех этих дискуссий не могла не всплывать проблема сегодняшних и завтрашних судеб великого собрата-соперника Тайваня — Китайской Народной Республики. Причем явные процессы эрозии тоталитарной системы в Китае, судя по ходу Сино-Европейской конференции, вызывают и у тайваньских и у европейских ученых не только чувство некоторой удовлетворенности возможной конечной справедливостью истории, но и чувство нескрываемой тревоги.

Наиболее развернутое и притом академически выдержанное обоснование всех этих опасений дал польский синолог Ян Ровиньский.

По его словам, само культурно-историческое наследие континентального Китая едва ли благоприятствует сознательным демократическим трансформациям: здесь действовала, действует и будет действовать тысячелетиями слагавшаяся авторитарно-патерналистская политическая культура, да притом еще в сложном взаимодействии с результатами сорокалетней нигилистической индоктринации со стороны коммунистов²³.

Как считает Я. Ровиньский, одна из фундаментальных социо-исторических сложностей китайского развития, которая во многом определит будущие судьбы страны, — жесткая сепарация экономической и политической сфер. В плане экономики КНР уже отрезала себе путь к неосталинизму, что же касается плана политического — то здесь отрезан путь и к плавной демократической трансформации; так что в лучшем случае возможно лишь

20 Ku Chung-hwa. Social change in Taiwan 1980-1990. Background and scope, p. 9-10.

21 Chiu Jong-jen. From economic relations to political perspective between ROC and Western Europe in 1990's, p. 28.

22 Chiu Jong-jen. From economic relations to political perspective...; Mingin F. The impact of Taiwan's economic challenge and political democratization on bilateral relations between France and Taiwan.

23 Rowinski J. The difficult way to democracy in Mainland China: some reflections, p. 13-14.

медленное вызревание прагматической авторитарно-либеральной элиты, которая могла бы ценою больших трудов вывести страну на стезю полупатерналистской демократизации. Только здесь и видит Ровинский возможную альтернативу коллапсу, бунту, регионализации и естественному в таких условиях процессу собирания государственной мощи на путях народоразрушительной диктатуры — правой или левой.

Тайваньских же ученых подобного рода возможности преисполняют особых опасений. И дело не только в том, что теряющим свои исторические перспективы системам свойственна склонность к неоправданной внешней активности. Дело в том, что само национальное сознание тайваньских китайцев едва ли позволит им стать равнодушными зрителями бедствий своих континентальных собратьев.

Но удержать потрясенное общество вместе с потрясенной экономикой на плаву — дело крайне трудное. Ведь, как отмечалось выше, даже лидеры и экономические «капитаны» ФРГ не предполагали, сколь труден будет процесс техно-экономической и социальной реабилитации народа прежней ГДР. Что же касается помощи процветающего Тайваня народу КНР в случае возможного коллапса системы, — то здесь никакого тайваньского потенциала не хватит.

И посему ученые, участвовавшие в работе Сино-Европейской конференции, призывали «оба Китая» загодя учитывать возможный трагический (причем для обеих сторон) вариант развития событий на Континенте; призывали коммунистическую сторону смягчить абсолютизм своих идеологических притязаний²⁴, а гоминьдановскую сторону — осознать свою объективно-повышенную ответственность в общекитайских судьбах и смягчить конфронтационное отношение к коммунизму на Континенте²⁵.

На серьезность и в то же время недостаточность уроков германского прецедента в отношении мирных перспектив воссоединения Китая обращали внимание как тайваньские, так и немецкие ученые: слишком уж явны преимущества «сильной стороны» германского воссоединения — ФРГ, равно как и вопиющие социальные и техно-экономические слабости «сильной стороны» чаемого воссоединения Китая — Китайской Народной Республики²⁶. Так что процесс будущего воссоединения Китая мыслится хотя и весьма вероятным, но — затяжным и тягостным. Выступления тайваньских ученых в общих дискуссиях и в кулуарных беседах отражали некую стоическую готовность встретить и пережить этот процесс.

«Метафизика другого человека»

Все говорившееся на обеих одновременно проходивших в Женеве конференциях может восприниматься лишь как некая эвристика, как некие условные сценарии познания будущего, но не как однозначный прогноз. И все это — лишь экстраполяция тенденций сегодняшнего дня, в некотором смысле

24 Chow Shih-hsiung. Current unification problems between Mainland China and Taiwan: lessons from the Germany's unification, p. 10.

25 Mengin F. The Impact of Taiwan's economic challenge..., p. 23-24.

26 Lin Yu-fang. German experience: applicable to Chinese and Korean unification? - p. 4-5, 40-41; см. также упоминавшиеся выше доклады В. Кальтенфляйера и В. Пфайфенбергера.

отвлеченная не только от возможных сюрпризов дня завтрашнего, но и от глубинно-исторической ретроспективы нынешних явлений. Но где грань между научной прогностикой и экзерсисами с кофейной гущей, — этого не может определить никто. И в условиях открытости времен и невозможности однозначных предсказаний будущего, на мой взгляд, незаменимую роль играют наши философские ценности-ориентиры. Являясь несомненными элементами нашего мировосприятия, они тем самым во многом определяют и характер нашего присутствия в мире. Стало быть, этим ценностям присуща некоторая возможность самоосуществления или же, если угодно, со-Бытия.

С моей точки зрения, сохранение и преумножение богатств европейской культуры имеет в судьбах сегодняшнего и завтрашнего мира хотя и не всеопределяющее, но, тем не менее, немаловажное значение. И для меня было большой радостью, что устное выступление кардинала Жана- Мари Люстиже, на которое я уже ссылался, было посвящено как раз этой теме.

По словам преосвященного Люстиже, путь мира к новой — гуманной и созидательной — культуре, к сожалению, долг и кровав. И в этих условиях Европа может предложить человечеству как вклад в более достойное будущее прежде всего лучшие свершения своей культуры. Именно они, по словам Ж.-М. Люстиже, есть основное и, в сущности, единственное богатство Европы. Потому что все прочее — материальное и информационное богатство, технология и т. д. — есть дело акцидентальное, наживное. А самое ценное в европейской культуре, ее душа, — есть, по словам преосвященного, «метафизика другого человека», т. е. понимание другого в актах и процессах самопознания, — то понимание, которое восходит к библейскому Откровению и к великим философским исканиям античности, средних веков и нового времени.

Эта мысль о сознательном понимании человеческой реальности как о душе европейской культуры вызывает в моей памяти одно из замечательных, но, к сожалению, как-то выпавших из философской историографии суждений Вл. Соловьева. Согласно Соловьеву, в основе европейского феномена лежит именно принцип взаимосвязи, взаиморазвития само-познающих и миро-познающих форм человеческой мысли и деятельности. На этой взаимосвязи строятся осмысление и утверждение в мире принципов взаимопонимания между людьми, исторической преемственности, благорасположенных к человеческой личности принципов правоотношений и социальной политики. Эти поставленные Европой всечеловеческие проблемы настолько глубоки и масштабны, что Европе самой по себе, в отрыве от остального человечества, их не решить²⁷.

Может быть, исходя именно из этой соловьевской идеи, я предпослал своему прочтенному в Женеве докладу мифологизированное, но, тем не менее, исполненное остро-современного смысла речение из Каббалы: «И соединились тогда Восток и Запад, и произвели человека» (Книга Сияния, 1. 34а)²⁸. Ибо ныне, в условиях крушения былых тоталитарных систем, труд-

27 Соловьев В. С. Западники, западничество. - Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1984, т. 12, кн. 23, с. 243-244; Рашковский Е. Запад, Россия, Восток в трудах русских религиозных философов. — «Азия и Африка сегодня», 1990, № 8.

28 Zohar. The Book of Splendor. Selected a. Ed. by G. Scholem. - N. Y., 1963, p. 32.

но представить себе созидание завтрашней человеческой реальности не только без Запада и собственно Востока, но и без Востока нашего родного континента — Европы, без собственной нашей страны, простирающейся по северо-востоку европейских и северу азиатских просторов. Россия, страна толком даже в собственном доме еще не оцененных мыслителей, художников, поэтов и ученых, внесла немалый вклад в развитие европейской «метафизики другого человека». Неужто не заслужила она более достойной участи?

Е. Б. Рашковский